

Войны и эпидемии. Благо для человечества?

Автор:

[Томас Роберт Мальтус](#)

Войны и эпидемии. Благо для человечества?

Томас Роберт Мальтус

Документальный триллер

Томас Мальтус – английский ученый, демограф и экономист. Он – автор теории, согласно которой рост народонаселения приводит к снижению благосостояния и массовому голоду. При этом вмешательство государства в распределение доходов между богатыми и бедными ничего не дает, так как господствующий класс незначителен в сравнении с огромной массой бедняков, и попытки перераспределения богатств господствующего класса в пользу бедных не решат проблему бедности. Отсюда Мальтус считал войны и эпидемии подлинным благом для человечества, поскольку они помогают сократить количество народа на Земле, чтобы оставшиеся жили лучше.

В данной книге представлена основная работа Томаса Мальтуса «Опыт о законе народонаселения», а также работы его оппонентов и сторонников.

Томас Мальтус

Войны и эпидемии. Благо для человечества?

© Перевод с английского, 2022

Опыт о законе народонаселения

Т. Р. Мальтус

I. Изложение предмета. Отношение между размножением населения и возрастанием количества пропитания

Тому, кто захочет предусмотреть, каков будет дальнейший прогресс общества, естественно предстоит исследовать два вопроса:

- 1) Какие причины задерживали до сих пор развитие человечества или возрастание его благосостояния?
- 2) Какова вероятность устранить, вполне или отчасти, эти причины, препятствующие развитию человечества?

Такое исследование слишком обширно, чтобы одно лицо могло его с успехом выполнить. Задача настоящей книги заключается преимущественно в исследовании последствий великого и тесно связанного с человеческой природой закона, действовавшего неизменно со времени происхождения обществ, но, несмотря на это, мало обращавшего на себя внимание тех людей, которые занимались вопросами, имевшими ближайшее отношение к этому закону. В сущности, многие признавали и подтверждали факты, в которых проявляется действие этого закона, но никто не замечал естественной и необходимой связи между самим законом и некоторыми важнейшими его последствиями, несмотря на то, что в числе этих последствий должны были бы обратить на себя внимание такие явления, как пороки, несчастия и то весьма неравномерное распределение благ природы, исправление которого всегда составляло задачу людей доброжелательных и просвещенных.

Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи.

По наблюдениям доктора Франклина, единственной границей воспроизводительной способности растений и животных является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишают себя средств к существованию. Если бы, говорит он, поверхность земли лишилась всех своих растений, то одной породы, например, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; если бы земля не была населена, то одной нации, английской например, достаточно было бы, чтобы заселить ее в течение нескольких веков. Это утверждение неоспоримо. Природа щедрой рукой рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива относительно места и пищи для них.

Без этой предосторожности одного населения земли было бы достаточно, чтобы в несколько тысячелетий покрыть миллионы миров; но настоящая необходимость сдерживает эту чрезмерную плодовитость, и человек, наравне с прочими живыми существами, подчинен закону этой необходимости.

Растения и животные следуют своему инстинкту, не останавливаемые предусмотрительностью относительно лишений, которые может испытать их потомство. Недостаток места и пищи уничтожает в обоих царствах то, что переходит границы, указанные для каждой породы.

Последствия того же препятствия оказываются для человека гораздо более сложными. Побуждаемый тем же инстинктом размножения, он удерживается голосом разума, внушающим ему опасение, что он не в состоянии будет удовлетворить потребности своих детей. Если он уступит этому справедливому опасению, то нередко это будет в ущерб добродетели. Если же, наоборот, одержит верх инстинкт – население возрастет быстрее, чем средства существования, а следовательно, по необходимости, оно должно вновь уменьшиться. Таким образом, недостаток пропитания является постоянным препятствием к размножению человеческой породы; это препятствие обнаруживается всюду, где скопляются люди, и непрерывно проявляется в разнообразных формах нищеты и вызываемого ею справедливого ужаса.

Рассматривая различные периоды существования общества, нетрудно убедиться, с одной стороны, в том, что человечеству присуще постоянное

стремление к размножению, превышающему средства существования, с другой стороны – что эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению. Но прежде чем мы приступим к исследованиям в этом направлении, попытаемся определить, как велико было бы естественное и ничем не сдерживаемое размножение населения и до каких пределов может возрасти производительность земли при самых благоприятных условиях для производительного труда.

Нетрудно согласиться, что нет ни одной известной страны, которая представляла бы такие обильные средства существования и такие простые и чистые нравы, чтобы заботы об удовлетворении потребностей семьи никогда не препятствовали или не задерживали заключение браков и чтобы пороки многолюдных городов, вредные для здоровья ремесла или чрезмерный труд не сокращали бы продолжительность жизни. Следовательно, мы не знаем ни одной страны, в которой население возрастало бы беспрепятственно.

Независимо от законов, устанавливающих брак, природа и нравственность одинаково предписывают человеку с раннего возраста привязанность исключительно к одной женщине, и если бы ничто не препятствовало неразрывному союзу, являющемуся следствием такой привязанности, или если бы не наступали за ним условия, уменьшающие возрастание населения, то мы вправе были бы предположить, что последнее перешло бы за пределы, которых оно когда-либо достигало.

В Штатах Северной Америки, в которых не обнаруживается недостатка в средствах существования, где господствует чистота нравов и где ранние браки возможно, чем в Европе, найдено было, что население в продолжении более полутора лет удваивалось менее, чем в двадцать пять лет. Это удвоение имело место, несмотря на то, что в тот же промежуток времени в некоторых городах замечалось превышение числа умерших над числом родившихся, вследствие чего остальная страна должна была постоянно пополнять население этих городов. Это показывает, что размножение может в действительности совершаться быстрее, чем это выражается общей средней цифрой.

В поселениях внутри страны, где земледелие составляло единственное занятие колонистов, где неизвестны были ни пороки, ни вредные для здоровья городские работы, найдено было, что население удваивалось каждые пятнадцать лет. Это приращение, как оно ни было велико само по себе, могло бы несомненно еще возрасти, если бы к тому не встречалось никаких препятствий. Разработка новых

земель нередко требовала чрезмерных усилий, которые не всегда оказывались безвредными для здоровья рабочих; сверх того туземные дикари иногда мешали этому предприятию своими набегами, уменьшали количество произведений трудолюбивого земледельца и даже лишали жизни некоторых членов его семьи.

По таблице Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36, – в том случае, когда рождения относятся к смертям, как 3:1, период удвоения населения составляет всего 12

/

года. И это не предположение только, а действительное явление, несколько раз повторявшееся в короткие промежутки времени.

Сэр В. Петти полагает, что под влиянием особо благоприятных условий население может удваиваться каждые 10 лет.

Но, во избежание всяких преувеличений, примем за основание наших рассуждений размножение наименее быстрое, доказанное сопоставлением многих свидетельств и притом производимое одними только рождениями.

Итак, мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии.

Несравненно труднее определить размер возрастания произведений земли. Тем не менее мы уверены, что размер этот не соответствует тому, который проявляется при возрастании населения.

Миллиард людей по закону народонаселения должен удвоиться через 25 лет, точно так же, как и тысяча человек; но нельзя получить с прежней легкостью пищу для пропитания быстро возрастающего населения. Человек стеснен ограниченном пространством; когда мало-помалу, десятая за десятой, будет занята и возделана вся плодородная земля, увеличение количества пищи может быть достигнуто не иначе, как только путем улучшения занятых ранее земель.

Эти улучшения, по самым свойствам почвы, не только не могут сопровождаться постоянно возрастающими успехами, но, наоборот, последние будут постепенно уменьшаться, в то время как население, если оно находит средства существования, возрастает безгранично и это возрастание становится, в свою очередь, деятельной причиной нового возрастания.

Все, что нам известно о Китае и Японии, дает нам право сомневаться в том, чтобы при наибольших усилиях человеческого труда можно было достигнуть удвоения количества произведений земли, даже в возможно длинный период времени.

Правда, на земном шаре в настоящее время имеется еще много необработанных и почти незаселенных земель; но можно оспаривать наше право на истребление рассеянных по ним племен или на принуждение их к заселению отдаленнейших частей своих земель, недостаточных для их прокормления. Если бы мы хотели прибегнуть к распространению среди этих племен цивилизации и к лучшему направлению их труда, то для этого нужно было бы употребить много времени; а так как в течение этого времени возрастание средств существования будет сопровождаться соразмерным увеличением населения этих племен, то редко может случиться, чтобы таким путем разом освободилось значительное количество плодородных земель, могущих поступить в распоряжение просвещенных и промышленных народов. Наконец, как это случается при учреждении новых колоний, население последних, быстро возрастая в геометрической прогрессии, вскоре приходит к своему наивысшему уровню. Если, в чем нельзя сомневаться, население Америки будет постоянно возрастать, хотя бы даже с меньшей быстротой, чем в первый период заведения в ней колоний, то туземцы будут постоянно оттесняться вглубь страны, пока, наконец, их раса не исчезнет совершенно.

Эти соображения до известной степени приложимы ко всем частям земного шара, где земля недостаточно хорошо возделывается. Но ни на одну минуту не может прийти в голову мысль об уничтожении и истреблении большей части жителей Азии и Африки. Цивилизовать же различные племена татар и негров и руководить их трудом представляется, без сомнения, долгим и трудным делом, успех которого притом изменчив и сомнителен.

Европа также заселена еще не так густо, как это могло бы быть. Только в ней можно до некоторой степени рассчитывать на лучшее приложение труда. В Англии и Шотландии много занимались изучением земледелия, но и в этих

странах есть много невозделанных земель. Рассмотрим, до какой степени может быть на этом острове увеличена производительность земли при самых благоприятных условиях, какие только можно себе представить. Если мы допустим, что при наилучшем правлении и при наибольшем поощрении земледелия произведения почвы этого острова могут удвоиться в первое двадцатипятилетие, то, по всей вероятности, мы перейдем пределы действительно возможного; такое допущение, наверное, превысит действительную меру возрастания произведений почвы, на которую мы вправе благоразумно рассчитывать.

В следующее двадцатипятилетие решительно уже нельзя надеяться, чтобы производительность земли возросла в такой же степени и чтобы, следовательно, в конце этого второго периода первоначальное количество продуктов земледелия учетверилось. Допустить это – значило бы опрокинуть все наши познания и представления о производительности почвы. Улучшение бесплодных участков является результатом больших затрат труда и времени, и для всякого, имеющего самое поверхностное представление об этом предмете, очевидно, что по мере улучшения обработки ежегодное приращение среднего количества продуктов земледелия постоянно, с известной правильностью, уменьшается. Но чтобы сравнить между собой степени возрастания населения и средств существования, допустим предположение, которое, как бы оно ни было неточно, во всяком случае значительно преувеличивает действительно возможную производительность земли.

Допустим, что ежегодное приращение к среднему количеству продуктов земледелия не уменьшается, т. е. остается неизменным для каждого последующего периода времени, и что в конце каждого двадцатипятилетия успехи земледелия выразятся в возрастании продуктов, равном современному годовому производству Великобритании. Наверное, исследователь, наиболее склонный к преувеличениям, не допустит, чтобы можно было ожидать большего, так как и этого совершенно достаточно, чтобы в течение нескольких веков обратить всю почву острова в роскошный сад.

Приложим это предположение ко всему земному шару и допустим, что в конце каждого последующего двадцатипятилетия количество продуктов земледелия будет равняться тому, что собиралось вначале этого двадцатипятилетия, с прибавлением к нему всего того количества, которое в настоящее время может дать поверхность земного шара. Напр., если десятина дает теперь 50 пуд. ржи, то через 25 лет она будет давать больше на сумму этого годового

производства, т. е. 100 п., еще через 25 лет количество это увеличится опять на сумму теперешнего годового производства и будет равно 150 п.; в третий период оно достигнет 200 п., и т. д. Без сомнения, мы не вправе ожидать большего от наилучше направленных усилий человеческого труда.

Итак, исходя из современного состояния заселенных земель, мы вправе сказать, что средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии.

Неизбежный вывод, вытекающий из сравнения приведенных выше двух законов возрастания, поистине поразителен. Допустим, что население Великобритании равняется 11 миллионам, и что современная производительность ее почвы совершенно достаточна для прокормления этого населения. Через 25 лет население достигнет 22 миллионов, а продовольствие, также удвоившись, по-прежнему способно будет прокормить население. В конце второго двадцатипятилетия население возрастет уже до 44 миллионов, а средств существования хватит лишь для 33 миллионов. В конце следующего двадцатипятилетнего периода из 88 миллионов населения уже только половина найдет себе средства существования. В конце столетия население достигнет 176 миллионов, средств же существования хватит лишь на 55 миллионов, следовательно, остальные 121 миллион должны будут умереть с голоду.

Заменим избранный нами для примера остров поверхностью всего земного шара; в этом случае, конечно, уже нет места предположению, что голод может быть устранен переселениями. Допустим, что современное население земного шара равно 1 миллиарду; человеческий род размножался бы как: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256; в то же время средства существования размножились бы как: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. По истечении двух столетий количество населения относилось бы к средствам существования, как 256 к 9; по истечении трех столетий, как 4096 к 13, а по прошествии 2000 лет отношение это было бы беспредельно и неисчислимо.

В наших предположениях мы не положили границ для производительности земли. Мы допустили, что она может бесконечно возрастать и превысить всякую данную величину. Но даже при таком предположении закон постоянного возрастания населения до такой степени превышает закон возрастания средств существования, что для сохранения равновесия между ними, для того, следовательно, чтобы данное население имело соответственное количество

средств существования, необходимо, чтобы размножение постоянно задерживалось каким-нибудь высшим законом, чтобы оно подчинялось суровой необходимости, словом, чтобы тот из этих двух противоположных законов размножения, на стороне которого оказывается такой перевес, сдерживался бы в определенных границах.

II. Общие препятствия, задерживающие размножение населения, и способ их воздействия

Из предыдущего вытекает, что важнейшим препятствием к размножению населения является недостаток пищи, происходящий от различия отношений, в которых возрастают, с одной стороны, население, а с другой стороны, средства существования. Но это важнейшее и окончательное препятствие, которое является конечным результатом всех остальных, оказывает свое непосредственное действие только в случае бедствий, производимых голодом.

Непосредственные препятствия проистекают от нарушения привычек и от болезней, создаваемых недостатком средств существования; сюда же необходимо причислить независящие прямо от этого недостатка физические и нравственные причины, причиняющие преждевременную смерть.

Эти препятствия к размножению населения, действующие постоянно, с большей или меньшей силой во всех человеческих обществах и удерживающие размер населения на уровне его средств существования, могут быть сведены к двум разрядам. Одни действуют, предупреждая размножение населения, другие – сокращая его по мере чрезмерного возрастания. Первые можно назвать препятствиями предупредительными, вторые – препятствиями разрушительными.

Препятствия предупредительные, поскольку они добровольны, свойственны человеку и заключаются в способности, отличающей его от животных, – способности предвидеть и оценивать отдаленные последствия. Все препятствия к безграничному размножению лишенных разума растений и животных принадлежат к числу разрушительных; если же они оказываются предупредительными, то в них нет ничего добровольного. Наоборот, человеку стоит взглянуть вокруг себя, чтобы поразиться зрелищем, которое часто

представляют большие семьи; сравнивая свои средства существования, часто не превышающие его собственные потребности, с числом лиц, с которыми пришлось бы разделить эти скудные средства (а число это легко может возрасти до 7–8 человек), он проникается справедливым опасением, что не в состоянии будет содержать рожденных им детей. Таковы будут его опасения среди общества, основанного на равенстве, если такое общество может осуществиться. При настоящем порядке вещей ему представляются еще другие соображения. Не рискует ли он утратить свое положение и не вынужден ли будет отказаться от своих дорогих привычек? Какое занятие и какое употребление он даст своим способностям? Не придется ли ему отдаться более изнурительному труду или прибегнуть к более тяжелым занятиям, к которым его не вынуждает настоящее положение? Будет ли он в состоянии предоставить своим детям такое же воспитание, каким он сам воспользовался? Может ли он питать уверенность в том, что, при постепенном увеличении семьи, его личных усилий достаточно будет для того, чтобы избежать нищеты и сопутствующего ей общественного презрения? Не придется ли даже, в крайнем случае, отказаться от той независимости, которой он так гордится, и не заставит ли его нужда обратиться, как к последнему средству, к общественной благотворительности, всегда ограниченной и недостаточной?

Такие соображения делаются с целью предупредить многие супружества во всяком цивилизованном обществе, причем они часто достигают своей цели, – препятствуют заключению многих ранних браков, противодействуя таким образом естественным влечениям.

Если за этим не следуют пороки, воздержание от ранних браков является наименьшим злом, вытекающим из закона народонаселения. Воздержание, налагаемое на наши наиболее сильные влечения, без сомнения, вызывает временное тягостное чувство. Но это зло, очевидно, весьма ничтожно сравнительно с другими препятствиями, останавливающими возрастание населения. Воздержание является таким же лишением, как и множество других, налагаемых на нас нравственным чувством.

Когда воздержание сопровождается пороками, проистекающее от этого зло поражает всякого наблюдателя. Извращение нравов, доведенное до такой степени, что оно препятствует рождению детей, унижает человеческую природу и оскорбляет ее достоинство. Оно производит такое действие на мужчину и еще более извращает характер женщины, искажая самые привлекательные свойства ее природы. К этому необходимо прибавить, что из всех несчастных созданий,

быть может, ни одно не подвергается таким бедствиям и не впадает в такую крайнюю нищету, как те несчастные жертвы проституции, которыми изобилуют большие города.

Когда испорченность становится общей и распространяется на все слои общества, она неизбежно отравляет самый источник семейного счастья, ослабляет те узы, которые соединяют супругов и которыми природа связала родителей с детьми, обязанными им своим существованием, и, наконец, вредит воспитанию последних.

Эти последствия, без сомнения, уменьшают счастье общества и наносят громадный вред добродетели. Последняя страдает в особенности вследствие обмана, необходимого для ведения преступной интриги и сокрытия ее последствий, ибо нет пороков, в которые бы не способны были вовлечь такие тайные, незаконные сношения.

Разрушительные препятствия к размножению населения по своей природе весьма разнообразны. К ним относятся все причины, стремящиеся каким бы то ни было образом, при помощи порока или несчастья, сократить естественную продолжительность человеческой жизни. Поэтому к категории этих препятствий необходимо отнести вредные для здоровья занятия, тяжкий, чрезмерный или подвергающий влиянию непогоды труд, крайнюю бедность, дурное питание детей, нездоровые жизненные условия больших городов, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, войну, чуму, голод.

Исследуя препятствия к размножению населения, разделенные мной на две общие группы под именем предупредительных и разрушительных, нетрудно заметить, что они могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и страданиям.

В числе предупредительных препятствий воздержание от супружества, сопровождаемое целомудрием, составляет то, что я разумею под именем нравственного обуздания (moral restraint)

[Я употребляю здесь слово нравственный в ограниченном смысле. Под нравственным обузданием я разумею воздержание от супружества, налагаемое на себя кем-либо вследствие благоразумных побуждений и сопровождаемое строго нравственным поведением. Я старался не отступить в этом сочинении от

указанного значения, а в тех случаях, когда мне представлялась необходимость говорить о воздержании от супружества, не сопровождающемся предосторожностями относительно последствий такого воздержания, я его называл то благоразумным воздержанием, то одним из предупредительных препятствий, среди которых ему, бесспорно, принадлежит первенствующее место.

Мне указывали, что, исследуя различные периоды общественной жизни, я недостаточно оценил предупредительное действие нравственного обуздания и влияние его, в смысле предохранения общества от чрезмерного размножения. Но если принять во внимание вышеуказанный ограниченный смысл, который я придаю словам нравственное обуздание, то окажется, что я имел основание приписывать этой причине то незначительное влияние, которое мной было указано. Я был бы счастлив, если бы убедился, что ошибся в этом отношении. – Прим. автора.]

Распущенность, противоестественные страсти, осквернение супружеского ложа, ухищрения, предпринимаемые для сокрытия последствий преступной и противоестественной связи, – все это предупредительные препятствия, очевидно, относящиеся к разряду пороков.

Разрушительные препятствия, являющиеся неизбежным следствием законов природы, составляют исключительно ту группу, которую я обозначаю словом несчастье (misery). Наоборот, те, которые зависят от нас самих, как война, различные излишества и многие другие неизбежные бедствия, представляются смешанными по своей природе. Их порождает порок и они влекут за собой несчастья.

Совокупность всех предупредительных и разрушительных препятствий составляет то, что я разумею под именем непосредственного препятствия к размножению населения. В тех местностях, где население не может возрасти безгранично, предупредительные и разрушительные препятствия находятся в обратном отношении, т. е. в местности нездоровой или такой, в которой население по какой-либо причине подвергается значительной смертности, предупредительные препятствия будут иметь ничтожное влияние, и, наоборот, в местностях здоровых, где предупредительные препятствия действуют с наибольшей силой – разрушительные препятствия слабо проявляют свое влияние и смертность оказывается незначительной.

Во всякой стране каждое из перечисленных препятствий действует с большей или меньшей силой, но с неизменным постоянством. Тем не менее, несмотря на постоянное действие этих препятствий, найдется немного местностей, в которых бы ни проявлялось непрерывного стремления населения к размножению, превышающему средства существования. Это непрерывное стремление является причиной бедствий низших классов общества и препятствием к какому бы то ни было улучшению положения участи этих классов.

Способ действия при настоящем состоянии общества указанных выше препятствий к размножению населения заслуживает некоторого внимания с нашей стороны. Представим себе страну, в которой средства существования находятся в точном соответствии с количеством населения. Постоянное стремление последнего к размножению, проявляющееся даже среди самого порочного общества, не замедлит увеличить число людей быстрее, чем могут возрасти средства существования. Пища, которой достаточно было, например, для 11 миллионов человек, должна будет теперь распределиться между 11 1/2 миллиона, вследствие чего бедным тотчас же станет труднее жить, а многие из них будут терпеть крайнюю нужду. Сверх того, число работников возрастет быстрее, чем количество работ, и заработная плата неминуемо понизится; а так как в то же время предметы потребления вздорожают, то для сохранения прежнего образа жизни работникам придется больше работать. Во время такой нужды браки становятся так затруднительны и до такой степени бывает тяжело содержать семью, что возрастание населения останавливается. В то же время низкая заработная плата, изобилие работников и необходимость, побуждающая их работать больше прежнего, дают возможность земледельцам приложить к земле больше труда, возделывать необработанные участки, удобрить и улучшить распаханную уже землю, пока, наконец, средства существования не придут в соответствие с количеством населения, т. е. не достигнут того уровня, с которого мы начали это рассуждение. Тогда положение работников становится менее тягостным, и препятствие, задерживающее возрастание населения, вновь устраняется. Но по истечении незначительного периода времени возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения.

Колебания эти, вероятно, не бросятся в глаза обыкновенному наблюдателю; даже самому внимательному человеку, быть может, нелегко будет заметить их и рассчитать периоды их повторений. Тем не менее стоит внимательно вникнуть в этот предмет, чтобы убедиться, что во всех старых государствах проявляется нечто подобное таким сменам периодов довольства и нужды, хотя, правда, в

менее правильной форме, чем это изложено выше.

Одна из важнейших причин, почему не были замечены такие колебания, заключается в том, что историки занимались почти исключительно жизнью высших слоев общества; по крайней мере в нашем распоряжении имеется очень немного сочинений, в которых верно изображены обычаи и образ жизни низших классов народа.

А между тем среди именно этих классов и проявляются главным образом колебания, о которых упомянуто выше. Чтобы написать с этой точки зрения удовлетворительную историю народа за определенный период, необходимо, чтобы многие исследователи посвятили себя продолжительному и внимательному наблюдению общих, частных и местных фактов относительно положения низших классов и причины их благосостояния или бедствий. Чтобы вывести из этих наблюдений верные и приложимые к предмету нашего исследования выводы, понадобился бы затем ряд исторических изысканий, охватывающих предмет на протяжении нескольких веков. В некоторых странах в последнее время предпринята была разработка этого отдела статистики; такие непрерывные исследования, без сомнения, прольют со временем свет на внутреннее строение общественного организма. Но пока необходимо признать, что эта область знаний находится в младенческом состоянии и существует множество важнейших вопросов, относительно которых мы или совершенно лишены сведений, или имеем самые несовершенные данные для их разрушения. Каково отношение между числом браков и возмужалых лиц? В какой мере затруднительность вступления в брак способствует развитию пороков? Как велика разница в смертности детей среди богатых и бедных? Попытайтесь, например, установить колебания действительной заработной платы, или степень довольства и счастья, которыми пользовались в различные периоды низшие классы общества. Составьте, наконец, точные списки рождений, смертей и браков, сведения о которых так необходимы в занимающем нас вопросе.

Верная история человеческого рода, в которой были бы разрешены такие вопросы, могла бы пролить много света на способ действия постоянных препятствий, задерживающих возрастание населения. Весьма вероятно, что такая история разъяснила бы ретроградные и прогрессивные моменты в движении населения, о которых было упомянуто выше, невзирая на то, что продолжительность этих колебаний должна быть крайне неправильна, в зависимости от различных причин. Эти причины, нарушающие правильность колебаний, весьма разнообразны: к ним необходимо отнести учреждение или

прекращение нескольких фабрик, процветание или упадок сельскохозяйственного промысла, урожайные или голодные годы, войны, эпидемии, законы о бедных, выселения и проч. Разница между действительной и нарицательной ценой труда представляет еще одну из причин, которая иногда скрывает эти колебания. Заработная плата редко падает повсюду одновременно; известно, что нередко высота заработной платы остается неизменной, в то время как нарицательная цена предметов потребления постоянно повышается. Это обыкновенно происходит в тех случаях, когда торговля и промышленность настолько возрастают, что могут доставить работу вновь появившимся на рынке работникам и предупредить усиленное предложение, вызывающее обыкновенно понижение денежной величины заработной платы.

Но возрастание числа работников, получающих в виде заработной платы прежнее количество денег, необходимо должно вызвать повышение цены на хлеб вследствие увеличения спроса на него. Таким образом, в действительности понизится цена на труд. До тех пор, пока существует такое постепенное возрастание цены предметов потребления, положение низших классов не может не ухудшаться в такой же постепенности, и наоборот, капиталисты и производители хлеба должны обогащаться вследствие понижения цены труда, причем их капиталы будут возрастать и дадут им возможность воспользоваться трудом большого числа работников. Необходимо заметить, что при таком положении вещей прокормление семьи станет более затруднительным, вследствие чего неминуемо произойдет некоторая убыль населения, и спустя некоторое время спрос на труд превысит его предложение. Тогда действительная цена на труд опять повысится, если ничто не приведет ее к прежнему уровню. Таким образом, действительная цена труда, а вместе с ней и благосостояние низших классов, будет подвергаться то понижению, то повышению, хотя нарицательная цена этого труда будет оставаться неизменной.

Дикари, среди которых нет правильной цены на труд, несомненно, переживают такие же колебания. Когда возрастание их населения достигает своего крайнего предела, все препятствия, как предупреждающие, так и разрушающие размножение, начинают действовать с особенной силой: усиливаются порочные склонности, дети чаще оставляются на произвол судьбы, войны и эпидемии становятся более частыми и опустошительными. Эти причины действуют до тех пор, пока население не будет ими низведено до уровня средств существования. Тогда возвращение относительного довольства вновь повлечет за собой возрастание населения, а спустя некоторое время это возрастание будет

задержано теми же причинами, которые только что перечислены.

Я не имею в виду проследить в различных странах размер описанных колебаний. Для выполнения такой задачи необходимо было бы, чтобы история снабдила нас подробными сведениями относительно таких вопросов, на которые она до сих не обращала внимания. Нетрудно убедиться, что даже успехи цивилизации естественно стремятся сделать эти колебания менее заметными. Поэтому я ограничусь установлением следующих положений:

Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования.

Народонаселение неизменно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями.

Эти особые препятствия, точно так же как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью.

Полагаю, что первое из этих положений вряд ли нуждается в доказательствах. Два других будут подтверждены ниже исследованием положения древних и новых народов.

О различных системах, предложенных или принятых обществом против действий, порождаемых законом народонаселения

III. Системы равенства

Хотя от внимания писателей, изучавших вопрос об усовершенствовании человеческого общества, не ускользнуло значение закона народонаселения, тем не менее они смотрели на сопровождающие его бедствия как на последствия, отдаленные от нас на бесконечное время. Так, напр., Валлас полагает, что эти

бедствия могут наступить лишь в то время, когда вся площадь земного шара будет прекрасно обработана и невозможно будет далее рассчитывать на увеличение количества произведений земли. Но если бы прекрасный проект равенства, начертанный Валласом, был осуществим на деле в каком бы то ни было отношении, я не думаю, чтобы сознание предстоящей опасности, хотя бы в отдаленном будущем, могло охладить наше стремление к достижению столь благой цели. Конечно, мы имеем право довериться заботливости Провидения о приискании средства против угрожающей нам в отдаленном будущем опасности; но я утверждаю, что опасность эта весьма близка и неизбежна. Как бы ни были значительны успехи просвещения, как бы ни было полно равенство среди человеческого общества, недостаток средств существования будет ощущаться всегда, с настоящей минуты до того времени, когда весь земной шар будет обращен в цветущий сад. Дело не изменится от того, что постоянно будет возрастать количество произведений земли: так как возрастание населения будет происходить еще быстрее, то излишек его неминуемо будет сдерживаться постоянным или периодическим влиянием нравственного обуздания, порока или несчастья.

Кондорсе в своем “Историческом очерке успехов человеческого разума” говорит, что сравнение количества населения просвещенных европейских стран с занимаемой ими площадью, а также условий их земледелия, промышленности и разделения труда с размером средств существования показывает, что современное положение может быть сохранено не иначе, как при существовании громадного числа людей, удовлетворяющих свои потребности путем усиленного труда. Таким образом, он признает необходимость этого класса людей. Затем, указав, как шатко положение этих людей, вполне зависящих от воли и благосостояния своих хозяев, Кондорсе справедливо прибавляет: “Таким образом существует неизбежная причина неравенства, зависимости и даже нищеты, постоянно грозящих самому многочисленному и трудолюбивому классу людей, составляющих наше общество”. Наблюдение, сделанное автором, совершенно правильно, но средства, предлагаемые им для устранения зла, нельзя признать удовлетворительными по следующим соображениям: Кондорсе проектирует для обеспечения участи стариков, вдов и малолетних детей учредить из сбережений работников капитал, устроить доступный кредит для самих рабочих: отыскать средства для установления более полного равенства между людьми и организовать общества на таких началах, чтобы успехи промышленности и торговли не находились в такой зависимости от капиталистов, как в настоящее время. Но подобные учреждения могут весьма много обещать в теории, в приложении же к действительной жизни они оказываются ребяческими мечтами. Какая причина побуждает

Кондорсе признать необходимость существования класса людей, средства существования которого зависят исключительно от его труда? Можно допустить только одну причину: он понимал, что для обеспечения существования многочисленного населения необходимо такое количество труда, которое может быть вызвано только крайней необходимостью. Но если проектированные Кондорсе учреждения ослабят в рабочих побуждение к усиленному труду, то можно ли ожидать, чтобы эти рабочие развивали ту неутомимую деятельность, которая составляет основу и источник общественного благосостояния?

Но и помимо этого возражения против предлагаемых учреждений, представляется еще одно важное затруднение, способное ослабить их благотворное влияние. Если все люди будут уверены в достаточном обеспечении их семей, то каждый вступит в брак, а так как рождающееся поколение будет ограждено от бедствий, вызываемых нищетой, то население будет возрастать с такой беспримерной быстротой, что вскоре никакие учреждения не будут в силах восполнить недостаток в средствах существования, производимых землей.

Свои рассуждения о совершенствовании органической природы человека Кондорсе оканчивает замечанием, что его доказательства в пользу безграничной возможности улучшения общественных условий при предположении, что организация и способности человека останутся неизменными, приобретают неизмеримо большее значение, если принять во внимание, что эта организация и эти способности также могут усовершенствоваться. Успехи медицины, здоровая пища, удобные жилища, отсутствие чрезмерного утомления, наследственных и заразительных болезней, устранение главных причин развращения – с одной стороны, крайней нищеты, с другой стороны, чрезмерного богатства, – все эти условия, по мнению Кондорсе, если и не сделают человека бессмертным, то во всяком случае будут способствовать тому, что он будет пользоваться жизнью, естественная продолжительность которой будет постоянно возрастать до той меры, которая может быть названа неопределенной, причем под этим словом он понимает постоянное движение к безграничной, хотя и никогда недостижимой продолжительности, постоянное увеличение срока человеческой жизни, достигающее в бесконечном ряду веков размера, превосходящего всякую данную величину.

Но смысл этого выражения в применении к продолжительности человеческой жизни находится в явном противоречии с принципами науки и не подтверждается никакими естественными законами. Средняя

продолжительность человеческой жизни, несомненно, может несколько удлиниться под влиянием благоприятных для того условий, но также несомненно и то, что в течение всего периода, относительно которого мы имеем достоверные исторические свидетельства, не произошло никакого увеличения в естественной продолжительности человеческой жизни.

Нам могут возразить, что человеческий род существовал еще так недолго, что мы не можем уловить изменений в средней продолжительности жизни. Но если это так, то наука становится невозможной, связь между действиями и их причиной рушится и книга природы закрывается для нас, так как ее чтение оказывается бесплодным. Если это так, то самые нелепые и невероятные предположения приобретают одинаковое значение с самыми точными научными законами, основанными на многочисленных и несомненных наблюдениях, и мы должны вернуться к древним философским системам, насилувавшим факты для своего подтверждения, вместо того, чтобы самим основываться на этих фактах. Словом, если законы природы непостоянны и изменчивы, несмотря на то, что они казались нам постоянными и неизменными в течение многих веков, то для человеческого разума нет больше побуждения обращаться к плодотворным исследованиям, он должен быть обречен на бездействие. Если, не имея ни одного признака, указывающего на возможность какого-либо изменения, мы вправе утверждать, что такое изменение все-таки совершится, то нет положения, на котором мы не могли бы настаивать, и предположение о том, что луна сольется с землей, имело бы одинаковую достоверность с утверждением, что завтра взойдет солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mal-tus_tomas-robert/voyny-i-epidemii-blago-dlya-chelovechestva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)